

EDN: KWPTYTY
УДК 338.439.6(571.511)

Food Autonomy in Taimyr: Infrastructure, Supply, Mobility

Vladimir N. Davydov^{*a,b} and Vasilisa V. Bobrova^a

^a*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation*

^b*Chukotka Branch of the Northern Federal University
Anadyr, Russian Federation*

Received 20.03.2024, received in revised form 26.03.2024, accepted 14.05.2024

Abstract. The article is based on field materials collected by the authors in the Taimyr Dolgano-Nenets municipal district of the Krasnoïarskii krai in 2021. The authors examine everyday strategies and practices for supplying food to remote villages in central part of the Taimyr Peninsula. Cooperation and pendulum mobility play an important role in the life of local people. Food resources are not concentrated in one place, but are scattered unevenly across the landscape. Together, people fill supply gaps and maintain food autonomy in the remote settlements. The active actions of local people play the most important role in supply practices what allow them to create their own infrastructure in the locations where the multiple shortages take place.

Keywords: Taimyr, Arctic, nutrition practices, food autonomy, deficit, mobility, resources, supply, infrastructure, Dolgans, Nganasans.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes

The article written by V. N. Davydov and V. V. Bobrova and supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19–78–10002) “Food in the Russian Arctic: resources, technologies and innovations” (PI – D. S. Ermolin). Source of funding: MAE RAS.

Citation: Davydov V. N., Bobrova V. V. Food autonomy in Taimyr: infrastructure, supply, mobility. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(7), 1235–1246. EDN: KWPTYTY

Продовольственная автономность на Таймыре: инфраструктура, снабжение, мобильность

В.Н. Давыдов^{а,б}, В.В. Боброва^а

^аМузей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург

^бЧукотский филиал СВФУ
Российская Федерация, Анадырь

Аннотация. Статья базируется на полевых материалах, собранных авторами в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края в 2021 г. В тексте рассматриваются повседневные стратегии и практики снабжения пищевыми продуктами удаленных сел центрального Таймыра. Важную роль в поддержании продовольственной безопасности местных жителей играет кооперация и маятниковые перемещения. Пищевые ресурсы не концентрируются в одном месте, а неравномерно распределяются по ландшафту. Объединенными усилиями люди восполняют недостатки снабжения и поддерживают пищевую автономность в удаленных от центра населенных пунктах. Важнейшую роль в практиках снабжения играют именно активные действия местных жителей, позволяющие создать собственную инфраструктуру в тех местах, где наблюдаются множественные дефициты.

Ключевые слова: Таймыр, Арктика, практики питания, пищевая автономность, дефицит, мобильность, ресурсы, снабжение, инфраструктура, долганы, нганасаны.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Статья написана В. Н. Давыдовым и В. В. Бобровой за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–78–10002) «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации» (рук. Д. С. Ермолин). Источник финансирования МАЭ РАН.

Цитирование: Давыдов В. Н., Боброва В. В. Продовольственная автономность на Таймыре: инфраструктура, снабжение, мобильность. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(7), 1235–1246. EDN: KWPUYU

Введение

Полевое исследование на центральном Таймыре было проведено авторами весной и летом 2021 г. Работы велись в следующих населенных пунктах на севере Красноярского края: с. Левинские Пески, п. Усть-Авам, п. Волочанка, г. Дудинка и г. Норильск. Авторы также осуществили серию выездов в тундру, посетили промысловую точку Летовье. Основной задачей исследования был сбор данных о практиках снабжения пищевыми продуктами удаленных сел, а также спо-

собах восполнения различных дефицитов местными жителями. Исследование проводилось в разные сезоны, что позволило увидеть различные стратегии снабжения и проследить его динамику в течение годового цикла. Основной фокус исследования – изучение материальной базы, меняющейся инфраструктуры, способов снабжения и мобильности, изменение стратегий природопользования. Авторами были собраны материалы по практикам использования инфраструктуры и средств передвижения

местными жителями, было уделено внимание стратегиям адаптации материальных объектов для решения повседневных задач и для поддержания пищевой автономности в отдаленных поселках.

В последние несколько десятилетий на Таймыре произошла масса событий, связанных и влияющих напрямую или косвенно на традиционный образ жизни, социально-экономическую базу, экологическую обстановку. Данные изменения жители таймырских поселков могут наблюдать каждый день, в первую очередь в рационе питания, диете, технологиях приготовления, транспортировки и хранения пищевых продуктов. В рамках исследования было важно выявить роль кооперации и обмена для восполнения постоянно возникающих в условиях удаленности от центра дефицитов. Задача исследования заключалась в том, чтобы проследить множественные и направленные на поддержание пищевой автономности связи: от роли и места снегохода в доставке муки и транспортировке хлеба, до соблюдения традиционных норм и обычаев для спасения жизни человека в экстренной ситуации.

Населенные пункты Таймыра характеризуются множественными дефицитами. Это и дефицит снабжения, и дефицит инфраструктуры (Давыдов, 2022). В таймырских поселках Волочанка и Усть-Авам актуальной проблемой является вопрос реновации жилищного фонда. Люди продолжают жить в аварийных домах. Немногие семьи могут себе позволить даже с учетом субсидий и льгот строительство нового жилья, качество которого часто не соответствует местным климатическим условиям и требует значительных инвестиций для утепления и поддержания. Фактически отсутствуют дороги, соединяющие поселки с районным центром, перемещения осуществляются по воде и по зимникам. В подобных местах люди в основном за счет собственных инициатив, ежедневных усилий создают, поддерживают и достраивают необходимую для выполнения повседневных задач инфраструктуру.

Изменение путей миграции дикого северного оленя

Важной практикой для поддержания пищевой безопасности для коренных жителей полуострова является охота на дикого северного оленя. Таймырская популяция – одна из крупнейших в мире, её ареал охватывает северо-запад Республики Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ и север Красноярского края. По некоторым данным, в XIX веке её численность была около полумиллиона особей. Еще А. Ф. Миддендорф отмечал, что местные жители «все жаловались на уменьшение количества “зверя” в их крае, за исключением северного оленя» (Миддендорф, 1878: 93). Исследователи отмечают, что популяция дикого оленя сократилась в результате развития домашнего оленеводства, однако позже численность снова стала расти (Клоков и др. 1999: 51). За последнее столетие в сфере традиционного природопользования произошли существенные изменения, которые полностью изменили практики представителей коренных сообществ. На Таймыре выделяют четыре этнокультурных ареала ведения оленеводческого хозяйства: долганский, ненецкий, нганасанский и эвенкийский. Особое внимание стоит уделить центральному Таймыру и распространённым там долганскому и исчезнувшему в сфере домашнего оленеводства нганасанскому компонентам (Klokov, 1997). На данной территории за относительно небольшой период времени трансформировалось домашнее оленеводство, охота, рыболовство. В первую очередь на этот процесс повлияли развитие добывающей и тяжелой промышленности в регионе, модернизация транспортной инфраструктуры, глобализационные процессы и экологические факторы.

В настоящее время важнейшим занятием, позволяющим местным жителям обеспечить себе продовольственную автономию от завоза продуктов, является охота на дикого северного оленя. Ориентация на охоту, а также увод домашних оленей дикими оказали влияние на то, что нганасаны прекратили заниматься домашним олене-

водством, а нганасанский ареал постепенно утрачивал главный хозяйственный механизм в сфере природопользования и экономики. Кочевье и оленеводство в поселках Усть-Авам и Волочанка помнит только пожилое население. Стратегии управления в ранний советский период были глухи к потребностям не только оленеводов, но и всех, кто жил посредством ведения традиционного природопользования. Голод, оскудение местных природных ресурсов, которое постоянно усиливалось, приводили к тому, что модель коллективизации, применяемую в европейской части России, стали использовать в отношении коренных народов других регионов (Vitebsky etc: 2015).

В 2007 году комитетом по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации РФ были опубликованы данные Федерального агентства кадастра объектов недвижимости: «Сложившаяся с начала 30-х гг. структура природопользования и концепция освоения Севера отдавали приоритет развитию промышленности в ущерб традиционным отраслям хозяйства, в результате чего возникли обширные очаги сильного загрязнения, деградации природной среды, которые привели к нарушению и выбытию из оборота наиболее ценных в сельскохозяйственном отношении земель. ... В первую очередь нанесен значительный ущерб оленьим пастбищам... Фактором, в значительной мере дестабилизирующим экологическую обстановку на территориях традиционного природопользования, является стрессовое воздействие промышленных объектов на оленьи пастбища и охотничьи угодья, охватывающее до 40 % площади традиционного природопользования» (Материалы к... 2007).

Помимо проводимой политики оседлости в отношении кочевых народов для нганасан произошло изменение выпаса домашнего оленя, что сыграло определенную роль в нынешней ситуации. Основной маршрут кочевков авамских нганасан: территория от озера Пясино до озера Таймыр, при корректировке маршрута в зависимости от времени года: летом на север – в глубь тундры; зимой – к реке Боганида на юг (Симченко,

1970: 165). Эти традиционные места кочевков были разделены, то есть закреплены советскими органами власти за колхозами, а потом за совхозами. Например, многим семьям приходилось зимовать на территории другого кочевого – Затундринско-Якутского – совета из-за ландшафтных особенностей территории, которую освоил местный Вадеевско-Нганасанский совет. Особенность заключалась в том, что на их территории отсутствовал лес, из-за чего во время сильных пург олени убегали, часто погибая или прибываясь к диким стадам, и хозяева тратили много времени и сил на их поимку, из-за чего они несли убытки. В связи с этим тракт Волочанка-Хатанга был для них не только хорошей территорией для кочевки, но и экономическим полем, так как нганасаны могли проводить сбыт на факториях, расположенных по этому пути (Дьяченко, 2005: 118).

Одним из основных маршрутов миграции дикого северного оленя долгие годы являлась Авамская тундра, расположенная в бассейне реки Пясины. Здесь находятся два населенных пункта: поселки Волочанка и Усть-Авам. Административно они включены в состав городского поселения Дудинка, от самого же центра они расположены на расстоянии 400 км. Оба поселка были образованы на месте старых станков. К примеру, первые упоминания о станке Волосьянка относятся к 1640-м гг. Населенный пункт возник как промежуточный на волоке, который соединял реки Хету и Пясины. Старая Волочанка находилась в нескольких километрах от нового населенного пункта.

Как говорят местные жители, «олень уводит дальше. Экономическая основа: погоня за оленем – средствами для жизни и благополучия». Согласно интервью с охотниками, пути миграции дикого северного оленя, уходящие с каждым годом все дальше от поселков и точек, в последние годы стали изменяться все стремительнее. Основные корректировки маршрута происходят в две фазы: в начале августа – это первая волна миграции, когда начинается резкое похолодание в арктической тундре, тогда основной костяк популяции распа-

дается на несколько стад, одни движутся в южном направлении, обходя все доступные территории, вторая группа остается в центральной части; и вторая волна миграции проходит в октябре-ноябре. Центральнотаймырская популяция оленя считается самой крупной из трех основных группировок дикого северного оленя, остальные две – восточнотаймырская и тарейская (Бондарь и др., 2019). Е. Е. Сыроечковский отмечает, что в 1980-е гг. основной поток таймырской популяции проходил по территории между озером Пясино и поселком Волочанка, по подсчетам, около 300 тысяч особей (Сыроечковский, 1986: 44). В это же время произошло мощное смещение путей миграции: промысловые бригады перекрыли пути кочевья стад по всей реке Пясине.

В контексте промысла дикого северного оленя немаловажным является численность популяции. Для того чтобы лучше понимать динамику прироста и убыли, необходимо проследить динамику численности дикого северного оленя на Таймыре. Согласно данным первого авиаучета, который провели в 1959 г., насчитывалось около 110–120 тысяч голов; в 1966 г. – 252 тысячи; 1975 г. – около 449 тысяч; 1988 г. – 680 тысяч оленей (Клоков и др., 1999: 51). К началу XXI века, в 2000 г., учеными озвучивалась цифра в 1 миллион голов. Однако к концу 2010-х годов динамика стала резко отрицательной: в 2009 г. – 485 тысяч; 2014 г. – 417 тысяч; 2017 г. – 384 тысячи особей. Согласно новейшим данным авиаучета, проведенного осенью 2021 г., на территории полуострова насчитывается 241,6 тысячи северных оленей. Здесь стоит отметить, что данные ФГБУ «Заповедники Таймыра» и Федерального центра развития охотничьего хозяйства немного разнятся, так, по данным ведомства, численность составляет 256 тысяч голов (Авиаучет подтвердил..., 2021). Однако эти различия в подсчетах не столь принципиальны, ведь «в настоящее время общая численность диких северных оленей упала ниже своего минимального значения за всю обозримую историю наблюдений за таймырской популяцией» (Бондарь и др., 2019: 9). Многие информанты винят в таком

положении вещей антропогенные факторы: увеличивающееся с каждым годом вмешательство компаний в экосистему, увеличение добычи, загрязнения, разливы, экологические катастрофы: *«Миграция очень изменилась. Раньше много было. Сейчас очень мало. Как геологи появились, так все»* (ПМА Боброва, 2021).

Тем не менее бесконтрольная охота, наряду с перечисленными факторами, является одной из причин сокращения численности поголовья дикого северного оленя. В 2019 г. Министерство экологии Красноярского края называло два способа восстановления прежней численности дикого оленя: авиаучет Таймыро-эвенкийского поголовья и увеличение надзора в сфере охоты. В настоящее время эти два пункта постепенно претворяются в жизнь. Так, в феврале 2022 г. на Таймыре была проведена антибраконьерская операция «Заслон», в рамках которой выявили массу нарушений в добыче дикого северного оленя и использовании квот некоторыми общинами (Куда исчезли..., 2022).

Способ добычи дикого северного оленя в последние годы несколько изменился, охотники стали использовать улучшенное огнестрельное оружие и различные технические средства, ускоряющие процесс охоты, перемещения и навигации. Обычно отстрел животных происходит на переправах через крупные реки. Тем не менее охотникам становится все труднее напасть на след, так как из-за постоянного отстрела существенно изменились миграционные пути и сроки. Важным также является тот факт, что из-за уменьшения популяции «единый фронт сезонных миграций» стал представлять собой хаотичные узкие коридоры (Бондарь и др., 2019: 9).

Использование советской инфраструктуры

Производство и хранение пищевых продуктов требует наличия особой инфраструктуры – сараев, складских помещений, пространства для хранения, предприятий общественного питания, оборудованных площадей для приготовления пищевых

продуктов. В таймырских поселках активно используется советская инфраструктура – различные жилые и хозяйственные постройки на промысловых точках. Промысловые точки не концентрируются в определенном месте, а рассеяны по ландшафту, позволяя местным жителям использовать их в качестве баз для ведения промысловой деятельности, добычи, обработки и хранения рыбы, мяса диких животных и птиц.

В советское время основой для традиционного природопользования и его функционирования служила совхозная инфраструктура и техника, которая была ориентирована на развитие оленеводческого хозяйства, охоты и рыболовства. Дополнительными занятиями, позволявшими локально производить пищевые продукты, в советский период выступали животноводство и овощеводство в теплицах (Головнёв и др., 2021: 110). Ключевым занятием в поселках Усть-Авам и Волочанка было оленеводство. Кроме того, во многих поселках разводили коров, производили собственные молочные продукты. Первые объединения появились в 1930-е гг., а именно в 1936 г. был образован колхоз имени О.Ю. Шмидта с центром в Усть-Богданихе. Впоследствии коллективные объединения менялись, расширялись, изменяли место дислокации. Так, в Волочанке помимо колхоза им. О.Ю. Шмидта действовали: с 1961 г. центр объединенного колхоза им. Ю.А. Гагарина (Симченко, 1970: 166); колхозы им. Сталина (коневодство и огородничество), им. М.И. Калинина и «Искра», объединенные в 1966 г. в совхоз «Волочанский», который занимался охотой на пушного зверя, рыболовством, оленеводством, также были скотоводческая и зверофермы. Для жителей Авамской тундры объединяющей «факторией» было образованное в 1971 г., отделение Госпромхоза «Таймырский», который базировался в Усть-Аваме. Отличительной чертой нового объединения являлся упор на массовый забой дикого северного оленя, в основном в период осенней миграции. Полученные в результате промысла рыба и туши дикого

северного оленя сдавали для переработки в Госпромхоз, где была установлена высокая закупочная цена, за центнер давали 260 рублей (Клоков, 1999).

В советский период как местные промысловые точки, так и населенные пункты были оборудованы ледниками, которые использовались для хранения рыбы, дичи и оленины, сдаваемой промысловиками в местный совхоз. После развала Советского Союза ледники не использовались в том объеме, который был ранее, часть камер для хранения не использовались, были заброшены, пришли в аварийное состояние. Например, в п. Усть-Авам произошло обрушение ледника, в то время как в соседней Волочанке такой проблемы нет, поскольку, как отмечали местные жители, они «не забрасывали поселковый ледник и по мере сил старались его поддерживать» (ПМА Боброва, 2021). Несмотря на отсутствие соответствующего надзора за данными объектами со стороны официальных организаций и администрации, местные жители продолжали активно их использовать в постсоветский период. В 90-е и начале 2000-х гг. это было особенно важно, поскольку не хватало топлива для местных дизельных электростанций, существовала проблема дефицита морозильного оборудования. Кроме того, важно было обеспечить необходимый объем запасов продовольствия, в основном мяса и рыбы. В настоящее время местные жители продолжают использовать созданные в советский период ледники, постоянно ремонтируют их, расчищают, укрепляют поддерживающие конструкции камер для хранения своими собственными силами.

Ледники – это одно из звеньев хозяйственной инфраструктуры, которая традиционно была рассредоточена по тундре, иногда располагаясь на расстоянии до нескольких сотен километров от населенного пункта. Свообразным наследием из прошлого являются места традиционных стоянок, приобретшие стационарное оформление в годы советской власти. Речь идет о «точках» – это бывшие станки, места, где останавливались во время кочевков и где

проходили основные пути миграции дикого северного оленя, на них располагаются основные промысловые угодья. На практике их эксплуатации также повлияло то, что в советское время на некоторых точках были построены дома. Основное жилище на таких точках: балок или типовой советский сельский дом из бруса на 2–4 семьи. В окрестностях Усть-Авама есть несколько точек, на которых живут круглый год, – Летовье, Угарная. Точка Летовье расположена в 35 км от поселка Усть-Авам. На ней расположен один типовой дом на 4 семьи. Сейчас люди в зимний период живут только в двух квартирах, а оставшиеся две используются летом. На точке также имеется здание забойного пункта, склад, баня, хозяйственные постройки и ледник. В настоящее время местные жители используют точки для временного пребывания, оставаясь на месте лишь несколько дней. Подобная практика имеет сходство с дачным хозяйством. Точку с населенным пунктом связывают постоянные маятниковые перемещения, позволяющие пополнять запасы топлива, угля, пищевых продуктов. Стоит также отметить, что существенно изменился гендерный состав проживающих на точках промысловиков: если раньше жили семьями, то сейчас, в тех немногих точках, ранее обитаемых круглогодично, живут только мужчины, и живут они там периодически. Как отмечал один информант на точке Летовье: *«У нас как хутор. Отдельно живем, здесь лучше жить, спокойно, Тем более, осколки цивилизации: телевизор, электричество от генератора»* (ПМА Боброва, 2021).

Некоторые промысловики, использующие расположенные близко к поселкам, а также к водной и снегоходной дороге в Дундинку точки, отмечали участившиеся акты вандализма. Путники, останавливающиеся на точках, не соблюдают традиционной этики: мусорят в помещениях, не убирают/не увозят его с собой, уничтожают запасы, не оставив топлива и продуктов после себя для следующих постояльцев. Один из владельцев подобной приближенной к Усть-Аваму точки планирует построить новую, но уже на значительном расстоянии от по-

селка: *«На новое место аргументов надо. Проходной двор стал. Чувствуют себя хозяевами там»* (ПМА Давыдов, 2021).

Точки превратились в преимущественно мужские пространства, они воспринимаются как место отдыха, но их основная роль – база для занятия рыболовством и, главное, мониторинга и отслеживания дичи, миграций оленя. Зверя легче настичать от точек и после охоты привозить его туда как на перевалочный пункт. К примеру, упомянутая выше точка Летовье имеет важное хозяйственное значение для жителей поселка. Во-первых, на данной точке до 2012 г. действовал забойный пункт дикого северного оленя. Старожилы утверждают, что за один сезон в лучшие годы обрабатывали до 4 тысяч туш. С 2012 г. забойный пункт не действует в связи с изменениями путей миграции дикого северного оленя, если раньше по этой территории пролегал основной маршрут, то сейчас, по словам местных жителей, максимум забредают отбившиеся от стада особи: *«Есть бывший забойный пункт. Сейчас не используется: нет такого оленя, массово не проходит. Бывают порой осколки проходят, мало проходит. Раньше по 2 тысячи голов стреляли. При Советах до 4-х тысяч доходило»* (ПМА Боброва, 2021).

Модернизация средств передвижения: локальная креативность

Хорошая, надежная техника – основа мобильности и жизнедеятельности в суровых условиях Севера. Поэтому местные жители выбирают те средства передвижения, которые хорошо зарекомендовали себя на практике. Промысловики активно модернизируют свою технику и снаряжение, часто прибегая к подручным средствам, проявляя творческий потенциал. К примеру, изменения ландшафта и «погоня за добычей», повлияли на активный переход местных жителей к использованию нового типа грузовых саней (ПМА Давыдов, 2021; ПМА Боброва, 2021). Традиционные деревянные нарты не так долговечны и прочны в использовании, как их аналог, сделанный из пластика, дерева, листов фанеры и ме-

таллических болтов (Головнёв и др., 2021: 91). В Интернете есть множество форумов, где люди делятся своим опытом по способам сборки и улучшению новой модели грузовых саней:

«Эти сани, по идее, должны ничего не весить и скользить как коньки по льду – удачная идея и конструкция. Но вот вопрос с грузоподъемностью: если в них нагрузить много всего, то стойки из пластика не начнут деформироваться – округляться и распрямлять полоз? Может стяжку какую на стойку придумать?»

А из усовершенствований я бы предложил платформу сделать в виде снизу обтекаемого корыта – волокуш, и дышло завести так, чтобы оно своими крыльями прикрывало передние концы полозьев, а то с узким дышлом в кустарнике и мелколесье горя хапнуть можно» (Форум..., 2010).

Общая сумма затрат на самостоятельное изготовление саней составляет примерно 20–25 тысяч рублей. Схема приобретения такова: материалы закупаются в Дудинке. Кто-то предпочитает забирать готовые сани из города, заказав предварительно мастеру, некоторые приобретают детали и самостоятельно собирают в поселке. Помимо пластиковых полозьев, которые делают из полипропиленовых труб, в комплектацию входят: прочная фанера и спаянные треугольником железные трубы с крюком, чтобы подсоединять сани к снегоходу, амортизаторы чаще всего из того, «что под руку попало», могут использоваться детали от старых мотоциклов. Многие информанты отмечали, что модернизированные сани удобнее и долговечнее традиционной нарты, однако при сильных минусовых температурах при неосторожной езде пластиковые полозья лопаются, что в подобной ситуации делает практически невозможным дальнейшее использование транспортного средства. Однако, несмотря на это, благодаря использованию новых саней у промыс-

ловиков появилась возможность доставлять больше продовольствия, топлива и стройматериалов.

Практики мобильности на Таймыре сильно изменились благодаря широкому использованию снегоходов и навигационного оборудования. С появлением новых механических средств передвижения в советский период многие виды охоты, которые раньше предполагали пешие перемещения, стали осуществляться с помощью техники, что значительно ускорило и в известной степени упростило процесс охоты: «С этими снегоходами все обленилось. Раньше на куропаток охотились пешком. А сейчас и пушкой не загнать. Раньше на лыжах ходили» (ПМА Давыдов, 2021).

Переход с «Буранов» на более мощные «Yamaha», «Arctic cat» и «Polaris» позволил увеличить грузооборот. Однако применение той или иной техники ситуативно. «Буран» легче в «экстренной» починке: если снегоход ломается в дороге, его легче разобрать на морозе, так как есть свободный доступ ко всем важным деталям, в то время как в «Yamaha» нужно «покопаться», прежде чем доберешься до неисправности. «Yamaha» все же пользуется особой популярностью среди местных жителей, поскольку считается надежным и более быстрым средством передвижения. Тем не менее для поддержания возможности перемещений и для уменьшения износа техники местные жители могут использовать несколько снегоходов разных производителей и разной мощности в зависимости от погодных условий и длины маршрута.

Кооперация и маятниковые перемещения

Пищевая автономность поддерживается местными жителями собственными силами за счет обмена и кооперации. Между поселками Усть-Авам и Волочанка существуют устойчивые связи. Если в одном из них возникает дефицит продуктов, их довозят из соседнего поселка. В данном контексте меняется сам смысл понятия «периферия», так как в контексте маятниковых перемещений между соседними поселками меняется центр притяжения. Нехватка консоли-

дирует людей, заставляет больше общаться и взаимодействовать. Местные жители ездят к соседям по необходимости, нет «пустых» перемещений. Постоянно осуществляются перемещения не только людей, но и продовольствия, товаров. Подобная кооперация несет в себе в том числе функции пищевой безопасности. Она поддерживается местными жителями не только за счет традиционной охоты, рыболовства, собирательства, но также с помощью обменных практик между поселками, позволяющих перераспределить продукты. При относительной скудности ассортимента набор продуктов все же отличается в Усть-Аваме и Волочанке, несмотря на примерно одинаковую сложность завоза продовольствия.

Авторы статьи сами стали участниками подобной кооперации. В период работы экспедиции в Усть-Аваме не было своей поселковой пекарни и был дефицит муки, поэтому, когда мы собирались выехать из Волочанки в Усть-Авам на снегоходах, наши проводники взяли с собой хлебобулочные изделия и мешки с мукой, чтобы отвезти в соседний поселок. Стоит отметить, что если бы ни эта необходимость отвезти продукты, то авторам пришлось бы долго ждать оказию, чтобы проехать маршрут, соединяющий поселки. Крепкие связи, образываемые необходимостью постоянно перемещаться, создают свою специфику взаимоотношений и изначально частично автономные пространства и люди в нем «обрастают» связями (Bereznitsky, 2022). От одного передвижения может зависеть много факторов: от простого обмена продовольствием до жизненно важных вопросов. Один из нарративов, встречавшихся во время полевой работы в Волочанке и Усть-Аваме, говорил об отношениях между соседними поселками следующим образом: «Одни друг у друга на всю тундру в радиусе 400 км». Оба поселка и их жители зависят друг от друга, нуждаются в помощи соседей. Помимо стандартных передвижений между населенными пунктами и промысловыми точками охотники и предприниматели совершают «аргиш в город». С этой целью они обычно собираются большой

группой и везут в ближайший крупный город – Дудинку – основные местные продукты: мясо и рыбу, а также хищных зверей. Назад такие караваны привозят продовольствие, стройматериалы, лекарства, запчасти и другие необходимые вещи. Путешествие большой группой позволяет избежать опасных ситуаций, когда у кого-то ломается техника и нужно оперативно произвести ремонт или забрать людей с собой в случае серьезной поломки. Подобные коллективные маятниковые поездки в районный центр и обратно стали нередким явлением для жителей Волочанки и Усть-Авама.

Маятниковые перемещения позволяют поддерживать пищевую автономность, снабжать пищевыми продуктами населенные пункты, находящиеся недалеко от районного центра, но в которых отсутствует регулярное сообщение. Например, местные жители из поселка Левинские Пески, расположенного на берегу Енисея, самостоятельно поддерживают мобильную инфраструктуру – между поселком и районным центром постоянно циркулируют машины/лодки с продовольствием и другими товарами. В данной модели мобильности задействованы как местные предприниматели, снабжающие поселок по принципу автолавки, так и местные жители, самостоятельно путешествующие в Дудинку и снабжающие не только себя, но и других нуждающихся. Как правило, если кто-то едет в город, он по просьбе других жителей привозит им необходимые товары.

Заключение

В статье были рассмотрены используемые таймырцами стратегии поддержания пищевой автономности, являющиеся необходимым условием выживания в условиях удаленности и сурового климата. Особенность Таймыра – освоение локальных ресурсов за счет использования обширных пространств. Население постоянно мигрирует между множественными точками ландшафта: поселками, точками, местами промысла и городами. Люди преодолевают дефицит и нестабильность именно за счет своих активных действий. Пространство

Таймыра становится связанным (Гончаров, 2023) посредством своеобразной и сотканной самими местными жителями «паутины», раскинувшейся на огромной территории между различными локациями, где поддерживаются маятниковые перемещения. Подобная форма мобильности, поддерживающая циркуляцию людей и вещей между множественными локациями, позволяет осваивать ландшафт и устанавливать крепкие связи между различными его точками, что дает возможность объединить относительно удаленные друг от друга инфраструктурные объекты. Сама инфраструктура при этом не является застывшей данностью. Она постоянно меняется, модифицируется местными жителями, подстраиваемыми ее под свои повседневные нужды. Инфраструктурный голод, несмотря на усилия местных жителей, остро ощущается в удаленных поселках. Модификация и модернизация материальных объектов часто происходит за счет вторичных материалов, которым находят новое применение. Люди вынуждены быть ответственными за своё благополучие и самостоятельно создают условия для производства, перемещения и хранения пищевых продуктов.

У местных жителей существует настроенное отношение к внедрению любых новых технологий в их быт и экосистему, которую они хорошо знают и прекрасно ориентируются в ней, умеют поддерживать баланс вмешательства и восстановления. Их рефлексии подвергаются малейшие изменения локальных ресурсов. В данном контексте добывающие и промышленные компании должны более ответственно подходить к мониторингу собственной деятельности и последствий разработок на территории проживания представителей коренных малочисленных народов. Необходимо оценивать степень воздействия внедряемых инноваций на пищевую безопасность местного населения. Основными факторами, создающими необходимость поддержания пищевой автономности, являются наличие множественных дефицитов, удаленность населенных пунктов, отсутствие/ветхость/аварийность инфраструктуры, скудное, не-

постоянное и неразнообразное снабжение, а также ряд экологических факторов – изменение путей миграции дикого северного оленя, современные экологические вызовы, антропогенное воздействие на ландшафт, перемещение промышленной инфраструктуры «в глубь тундры», создание новых промышленных объектов, различные техногенные аварии, загрязнения и климатические изменения.

Продовольственная безопасность жителей центрального Таймыра зависит от многих факторов. Основной вид самообеспечения – охота на дикого северного оленя – с каждым годом становится менее рентабельным. Хотя и сохраняются традиционные элементы промысла, современные технические средства, оружие и другие новшества дали один из толчков, повлиявших на миграцию и, соответственно, на возможность добычи. Происходит своеобразная гонка, только теперь за убегающим оленем бегут технологии: снегоходы, новые виды нарт, оружие с улучшенной оптикой и дальностью, современная одежда и навигационное оборудование. И учёные, и местные жители сейчас наблюдают колоссальное уменьшение поголовья дикого северного оленя, которое произошло из-за множества факторов, столкнувшихся в одной точке. Экологические потрясения, произошедшие на Таймыре в последние годы, сильно ударили по представителям коренных народов, ведущим традиционный образ жизни, однако ещё более сильное воздействие было оказано на флору и фауну региона. Наблюдаемое местными жителями хаотичное перемещение оленей во время гона в осенний период похоже на паническое бегство в попытке спастись: найти новые пастбища вместо тех, которые пришли в негодность, «устали» или испорчены в результате деятельности человека; отыскать другие переправы через крупные реки вместо старых, ведущих по истощенным в плане кормовой базы маршрутам прямо к охотникам. Это единая система, где олень и человек напрямую влияют друг на друга. Жителям центрального Таймыра с их историческим бэкграундом, в первую очередь потерей домашнего олене-

водства, нет особых альтернатив для замены главного вида продовольственного автономного вида самообеспечения в объемах, позволяющих производить для себя и своих домочадцев достаточное количество продовольствия.

В регионе предпринимаются попытки возродить домашнее оленеводство, однако для этого нужны учителя, навыки, опыт и желание самих местных жителей. Тем не менее возрождение оленеводства невозможно в короткий срок, а местным жителям нужно обеспечивать себя и свои семьи питанием сейчас. При условии общей заинтересованности, работы с местным населением, поддержки проектов развития инфра-

структуры со стороны государства, диалога с добывающими компаниями, выстраивания логистики, улучшения экологического фона, восполнения истощенных пастбищ и других факторов возможно поддерживать достаточный уровень пищевой безопасности в регионе.

Приложения / Applications

Список литературы / References

- Aviauchet podtverdil rezkoe snizhenie chislennosti dikikh severnykh olenei v Krasnoiarskom krae.* [Aerial Survey Confirmed a Sharp Decline in the Number of Wild Reindeer in the Krasnoiarskii krai]. In: *Itar-TASS*. 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13245323>
- Bereznitsky S. V. Fine-Tuning own World. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2022, 15(2). 220–233.
- Bobrova V. V. *PMA (Polevye materialy avtora. Etnograficheskie issledovaniia V. V. Bobrovoi na Taimyre v 2021 g.)* [Author's Field Materials. Ethnographic Research of V. V. Bobrova in Taimyr in 2021].
- Bondar M. G., Kolpashchikov L. A. Taymyrskaiia populiatsiia dikogo severnogo olenia v izmeniaiu-shchikhsia usloviiakh srede obitaniia [Taimyr Population of Wild Reindeer in Changing Environmental Conditions]. In: *Nauchnyi vestnik Arktiki*. 2019, 6. 8–15.
- Golovnev A. V., Davydov V. N., Perevalova E. V., Kisser T. S. Etnoekspertiza na Taimy-re: korennye narody i tekhnogennyye vyzovy [Ethnoexpertise in Taimyr: Indigenous Peoples and Man-made Challenges]. St. Petersburg: MAE RAN. 2021, 284.
- Davydov V. N. "U kazhdogo svoi sekrety": strategii podderzhaniia pishchevoi avtonomnosti na Taimyre ["Everyone Has His Own Secrets": Strategies for Maintaining Food Autonomy in Taimyr]. *Etnografika*. 2022, 1(15). 6–27.
- Davydov V. N. *PMA (Polevye materialy avtora. Etnograficheskie issledovaniia V. N. Davydova na Taimyre v 2014; 2015; 2017; 2021 g.)* [Author's Field Materials. Ethnographic research of V. N. Davydov in Taimyr in 2014; 2015; 2017; 2021].
- D'iachenko V. *Okhotniki vysokikh shirot: dolgany i severnye iakuty* [Hunters of High Latitudes: Dolgans and Northern Yakuts]. St. Petersburg: Evropeiskii dom. 2005, 271.
- Goncharov N. S. Sviaznost' komponentov okruzhaiushchego prostranstva zhitelei sela Russkoe Ust'e kak adaptivnyi resurs [Connectivity of the Components of the Surrounding Space of the Residents of the Village of Russkoe Ust'e as an Adaptive Resource]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*. 2023, 4. 221–249.
- Klovov K. B. Northern Reindeer of Taymyr Okrug as the Focus of Economic of Economic Activity: Contemporary Problems of Reindeer Husbandry and the Wild Reindeer Hunt. *Polar Geography*. 1997, 21(4). 233–271.
- Klovov K. B., Shustrov D. N. *Traditsionnoe olenevodchesko-promyslovoe khozyaystvo Taimyra* [Traditional Reindeer Herding and Fishing Economy of Taimyr]. Ed. by Ye. Ye. Syroechkovskii. Moscow: Sovet po problemam Severa. 1999, 124.
- Kuda ischezli dikie severnye oleni? [Where have the wild reindeer gone?]. In: *Zapad24*. 2022. URL: <https://zapad24.ru/news/territory/89036-kuda-ischezli-dikie-severnye-oleni.htm>

Materialy k Parlamentским slushaniyam v Sovete Federatsii po voprosu «Pravovoe obespechenie etnologicheskoi ekspertizy kak obyazatel'noe uslovie pri osvoenii severnykh territorii». (2007). [Materials for Parliamentary Session in the Federation Council on the Issue “Legal Support for Ethnological Expertise as a Prerequisite for the Development of Northern Territories”]. Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii. Moscow.

Middendorf A. F. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri. Chast' II Otdel. VI Sever i Vostok Sibiri v iestestvenno-istoricheskoi otnoshenii. Korennye zhiteli Sibiri (okonchanie vsego sochineniia)*. [Travel to the North and East of Siberia. Part II Section VI North and East of Siberia in Natural-Historical Terms Indigenous People of Siberia (End of the Entire Essay)]. St. Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk. 1878, 244.

Simchenko Yu. B. Osnovnye cherty sovremennykh etnicheskikh protsessov u korennoho naseleniia Avamskoi tundry Taimyrskogo natsional'nogo okruga. [The Main Features of Modern Ethnic Processes among the Indigenous Population of the Avam Tundra of the Taimyr National Okrug]. In: *Preobrazovaniia v khoziaistve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* [Transformations in the Economy and Culture and Ethnic Processes among the Peoples of the North]. Moscow: Nauka, 1978, 164–178.

Forum «Sani dlia snegokhodov». [Forum “Sleds for Snowmobiles”]. In: *SnowMobile.ru*. 2021. URL: <https://www.snowmobile.ru/forum/index.php?threads/4686/page-10>

Vitebsky P., Alekseyev A. Siberia. *Annual Review of Anthropology*. 2015. 44. 439–455.